

I.

Утверждая о позднѣйшихъ Грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ Грековъ и допустили у себя еретическія и погрѣшительныя новшества, дониконовскіе предки наши говорили, а теперь старообрядцы говорятъ, будто чистоту православія позднѣйшихъ Грековъ повредили — главнымъ образомъ латиняне, а отчасти и поработители ихъ Турки. Что касается до того, какъ отъ латинявъ могли позднѣйшіе Греки заразиться ихъ еретическими и погрѣшительными новшествами: то говорилось и говорится: во-первыхъ, что Греки соединились съ латинянами на Флорентійскомъ соборѣ; во-вторыхъ, будто послѣ взятія Константинополя Турками латиняне выкупили всѣ греческія рукописи, содержащія учительныя отеческія творенія, и, переправя ихъ по своему, печатали ихъ въ искаженномъ видѣ и раздавали Грекамъ; в-третьихъ, что Греки не имѣли возможности печатать у себя дома богослужебныхъ книгъ и что-де книги эти были печатаемы для нихъ неисправно и съ злонамѣренными поврежденіями въ Венеціи типографщиками еретическими, и наконецъ, вчетвертыхъ, что дидаскалы или учителя ихъ ходили учиться въ западную Европу и тамъ-де на Западѣ заражались латинскими ересями.

На Флорентійскомъ соборѣ Греки дѣйствительно соединились съ латинянами, принявъ ихъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о совершеніи литургіи на опрѣснокахъ и о чистилищѣ и признавъ надъ собою верховную власть папы. Но соединеніе, исключая отдѣльныхъ весьма немногихъ людей, было не дѣйствительнымъ или искреннимъ, а лишь наружнымъ или притворнымъ, и, продолжавшись весьма короткое время, не только ни малѣйше не повредило православія у Грековъ, а напротивъ еще болѣе укрѣпило ихъ въ немъ.

Изложимъ, какъ было дѣло¹⁾. Имперіи Византійской суждено было погибнуть отъ меча Турокъ, которые, начавъ ея завоеваніе въ концѣ XIII вѣка, къ концу слѣдующаго XIV вѣка довели послѣднее до того, что имперія начала ограничиваться лишь самымъ Константинополемъ съ весьма ничтожной его окрестностью, небольшимъ побережьемъ Чернаго моря и небольшими владѣніями въ Фессаліи и Пелопоннесѣ²⁾.

¹⁾ На русскомъ языкѣ есть „Исторія Флорентійскаго собора“, напечатанная въ Москвѣ, въ 1847-мъ году, и представляющая собою одну изъ магистерскихъ диссертаций, писанныхъ въ Московской Духовной Академіи.

²⁾ Въ минуту смерти императора Юанна V, Палеолога, въ 1391-мъ году имперія Византійская состояла: изъ самаго Константинополя съ ничтожною его

Безсильные бороться съ Турками сами собой, императоры Византійскіе, естественно, должны были обратиться къ мысли о томъ, чтобы искать себѣ помощи противъ нихъ у государей западныхъ. Но помощь государей западныхъ можно было получить схизматическимъ императорамъ (каковыми были въ глазахъ западныхъ людей Византійскіе императоры) только съ соизволенія на сіе и только при содѣйствіи сему со стороны папъ. А такъ какъ соизволеніе и содѣйствіе папъ можно было пріобрѣсти только посредствомъ церковнаго союза съ ними или уніи: то императоры и должны были хлопотать о сей уніи, къ которой, до появленія на сценѣ ихъ несчастной исторіи Турокъ, они уже прибѣгали для огражденія себя отъ самихъ латинявъ (Лионская унія 1274-го года, о которой скажемъ ниже). Очень долгое время тянулись у императоровъ переговоры съ папами относительно уніи, не приводившіе ни къ чему¹⁾; наконецъ, послѣ довольно продолжительной остановки бывъ возобновлены въ 1415-мъ году, они

окрестностью, которая заключалась внутри Анастасіевой великой стѣны, шедшей отъ Селимвріи или Силивріи на Мраморномъ морѣ до Деркоса близъ Чернаго моря; изъ побережья Чернаго моря отъ Деркоса до Месембрии; изъ небольшого владѣнія въ Фессаліи съ главнымъ къ нему городомъ Фессалоникой и изъ небольшого владѣнія въ южномъ Пелопоннесѣ съ главнымъ городомъ Спартой. Сынъ и преемникъ Юанна императоръ Мануилъ не задолго до своей смерти, послѣдовавшей въ 1425-мъ году, имѣлъ, по справедливому замѣчанію современнаго историка (и государственнаго челоука) Георгія Франтцы, — *Chronic. lib. I, p. 40* (въ Патрол. *Миня* t. 156, col. 736), великое неблагоразуміе раздѣлить эти жалкіе остатки имперіи между шестью своими сыновьями на особія владѣнія или деспотіи (удѣлы), такъ что послѣ сего самая имперія начала ограничиваться однимъ Константинополемъ съ прилежащей къ нему, указанной выше, крохотной мѣстностью. Дальнѣйшія территоріальныя перемѣны до паденія имперіи и до подпаденія власти Турокъ всѣхъ греческихъ владѣній состояли въ томъ, что Фессалоника продана была Венеціанцамъ еще при жизни Мануила (въ 1423-мъ году) и что деспотъ Пелопоннесскій Константинъ, съ 1449-го года послѣдній императоръ, овладѣлъ было всѣмъ Пелопоннесомъ (подъ латинскими владѣтелями) и даже нѣкоторыми частями Аттики и Беотіи. — Султанъ Турецкій Мурадъ I, занимавшій престолъ съ 1359-го по 1389-й годъ, завоевавъ всю европейскую часть имперіи за исключеніемъ того, что указано, уже въ 1366-мъ году перенесъ свою столицу изъ азіатской Вруссы въ европейскій Адрианополь.

¹⁾ Пока опасность отъ Турокъ не была слишкомъ настоятельною, императоры вели переговоры съ папами объ уніи не столько для дѣйствительнаго устроенія послѣдней, сколько для самыхъ переговоровъ, чтобы устрашать ими Турокъ, которые очень опасались помощи Грекамъ со стороны западныхъ народовъ.

привели къ тому, что по соглашенію между императоромъ Іоанномъ VII, Палеологомъ, и папою Евгениемъ IV для заключенія уніи устроенъ былъ соборъ въ Италіи, который открытъ былъ въ городѣ Феррарѣ 9-го Апрѣля 1438-го года и который, бывъ перенесенъ изъ Феррары во Флоренцію въ Январѣ—Февралѣ 1439-го года, окончилъ свои засѣданія въ этомъ послѣднемъ городѣ 6-го Іюля 1439-го года, именно—соборъ Ферраро-Флорентійскій или престо Флорентійскій, о которомъ у насъ рѣчь. Греческіе епископы, въ числѣ 22-хъ и съ патриархомъ Константинопольскимъ Іосифомъ во главѣ, отправились на соборъ вовсе не съ предрѣшеннымъ намѣреніемъ измѣнить православію и признать латинскія новшества и заблужденія, а съ твердою надеждою, что имъ удастся убѣдить латинянъ отказаться отъ ихъ новшествъ и заблужденій для возвращенія къ истинѣ православія, и если бы они предвидѣли то, что дѣйствительно случилось и что они сами сдѣлали, такъ несомнѣнно, что они вовсе не поѣхали бы на соборъ. Продолжительныя, веденныя на соборѣ въ теченіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, пренія между Греками и латинянами о главныхъ пунктахъ разногласія между ними: объ исхожденіи Св. Духа, о хлѣбѣ въ евхаристіи, о чистилищѣ и о главенствѣ папы, не привели ни къ чему: латинянамъ, конечно, не удалось убѣдить Грековъ признать ихъ новшества и заблужденія, но и Грекамъ вовсе не удалось заставить латинянъ отказаться отъ ихъ новшествъ и заблужденій. Послѣ того, какъ пренія окончились ничѣмъ, папа объявилъ Грекамъ (въ концѣ Марта 1439-го года), что или пусть принимаютъ они ученіе Римской церкви или же пусть отправляются къ себѣ домой,—подразумѣвается: безъ надежды получить помощь противъ Турокъ его—папы и западныхъ государей. Уѣхать домой безъ надежды получить помощь противъ Турокъ было для императора Константинопольскаго ужасно, ибо его положеніе въ виду этихъ послѣднихъ было тогда уже истинно отчаянное: и императоръ, не уѣзжая изъ Флоренціи, рѣшился во что бы то ни стало заключить унію съ папою. Сначала онъ пытался было достигнуть соглашенія посредствомъ уступокъ легкихъ, которыя бы не очень тяготили его совѣсть, какъ защитника православія, и которыя бы навлекали на него не очень сильныя укоры за измѣну православію. Когда папа остался непреклоненъ и требовалъ всего, императоръ, жертвуя неприкосновенностью православія спасенію отечества, рѣшился и на все. Между епископами нашлись двое, которые объявили себя за соединеніе съ папой: это были—Исидоръ, митрополитъ Русскій, который водился, по всей вѣроятности, тѣмъ же побужденіемъ, что и императоръ, т. е. желаніемъ спасти погибавшее

отечество, и Виссаріонъ, митрополитъ Никейскій, водившійся, какъ можно думать, личной суетностію и личными расчетами. Къ двоимъ епископамъ присоединился въ качествѣ единомысленника духовникъ императора, іеромонахъ-протосинвеллъ, Григорій Мамма. Наконецъ, троимъ удалось привлечь на свою сторону еще четвертаго—Дороея, митрополита Митиленскаго. Противъ четверыхъ сейчасъ названныхъ объявили себя за сохраненіе православія, чего бы то ни стоило и къ чему бы то ни повело, всѣ остальные члены собора, числомъ до 28-ми (кромѣ епископовъ разумѣются сановники патриаршіе и настоятели монастырей). Но императору съ его помощниками, между которыми главнымъ былъ нашъ Русскій митрополитъ Исидоръ, пользовавшійся очень большимъ авторитетомъ въ средѣ членовъ собора, удалось постепенно, посредствомъ убѣжденія и принужденія, а отчасти, можетъ быть, и посредствомъ подкупа, достигнуть того, чтобы всѣ члены собора, хотя наружно и неискренно, признали унію съ папою на требуемыхъ послѣднимъ условіяхъ¹⁾. 5-го Іюля 1439-го года Греки подписали актъ уніи съ папою, въ которомъ признавали: латинское ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына; дѣйствительность совершенія таинства евхаристіи на опрѣсновахъ; латинское ученіе о чистилищѣ и главенство папы въ церкви.

Итакъ, Греки дѣйствительно соединились съ латинянами на Флорентійскомъ соборѣ; но соединеніе это, какъ мы сказали, было не искреннее, а только притворное или наружное и, продолжавшись весьма недолгое время, не только не повредило православія у Грековъ, а напротивъ еще болѣе укрѣпило ихъ въ привязанности къ нему.

Одинъ изъ сановниковъ патриарха Константинопольскаго, присутствовавшій на соборѣ и написавшій его исторію, свидѣтельствуетъ, что большинство членовъ собора подписалось подъ актомъ уніи съ стenanіемъ и плачемъ въ глубинѣ сердца (*ἐν μυστοῖς καρδίαις στένοντες καὶ δακρῦοντες οἱ πλείους ὑπεγράφομεν*²⁾). На другой день по-

¹⁾ Главнымъ средствомъ преклоненія членовъ собора, какъ объ этомъ да-
етъ знать Сиропулъ, о которомъ сейчасъ ниже, было представленіе имъ, что
унія будетъ только наружною, а что между тѣмъ иначе невозможно спасе-
ніе отечества.

²⁾ Великій епископъ и дикофилакъ Сильвестръ Сиропулъ (неправильно
называемый Сгуропулломъ). Написанная имъ исторія Флорентійскаго собора
издана въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ въ 1660-мъ году
Англичаниномъ Робертомъ Крейттономъ (Creighton) подъ заглавіемъ: *Vera*

слѣ подписавія акта уніи, 6-го Іюля, совершенно было торжественное обнародованіе его во Флорентійскомъ соборномъ храмѣ, послѣ чего папа служилъ въ храмѣ торжественную литургію. Но ни одинъ греческій епископъ, не смотря на желаніе папы, не хотѣлъ служить вмѣстѣ съ латинянами и никто изъ Грековъ не приобщался опрѣснковъ¹⁾. Когда греческіе епископы на возвратномъ пути изъ Флоренціи прибыли въ Венецію, то дожъ Венеціанскій изъявилъ желаніе видѣть чинъ греческаго богослуженія. Императоръ, удовлетворяя желаніе дожа, только послѣ многихъ просьбъ могъ принудить старшаго между епископами митрополита Ираклійскаго совершить литургію въ соборѣ св. Марка. Митрополитъ согласился, но служилъ литургію на греческомъ антиминосѣ и съ греческими церковными сосудами; папскаго имени не было на ней упомянуто и символъ вѣры читанъ былъ безъ прибавленія²⁾. Когда епископы возвратились съ собора въ Константинополь (1-го Февраля 1440-го года): то первымъ вопросомъ къ нимъ жителей столицы послѣ того какъ они, сошедъ съ галеръ, ступили на берегъ, было: „чѣмъ кончился соборъ, одержали ли мы верхъ“ (какъ того надѣялись всѣ Греки, а равно и всѣ епископы, ѣздившіе на соборъ)? Митрополитъ Ираклійскій и за нимъ всѣ прочіе отвѣчали: „Мы продали нашу вѣру, промѣняли благочестіе на нечестіе и, предавъ чистую жертву, сдѣлались азимитами: да отсѣчется рука, подписавшая, да исторгнется языкъ, изрекшій исповѣданіе“³⁾.

Такъ епископы и прочіе духовные, ѣздившіе на Флорентійскій соборъ, засвидѣтельствовали, что ими дано было согласіе на унію не искреннимъ, а только притворнымъ образомъ и такъ скоро большинство ихъ отказалось отъ этой уніи! Императоръ Іоаннъ Палеологъ не отказывался отъ уніи, видя въ ней единственную надежду спасенія для имперіи, до самой своей смерти, которая послѣдовала 31-го Октября 1448-го года: на мѣсто патріарха Іосифа, умершаго во Флоренціи 10-го Іюня 1439-го года, былъ избранъ имъ въ патріархи, 4-го Мая 1440-го года, изъявившій согласіе признавать унію Митро-

historia unionis non verae inter Graecos et Latinos sive Concilii Florentini exactissima narratio. Приведенныя слова у Сиропула—sect. X, cap. VIII, p. 292.

¹⁾ См. русскую Исторію Флорентійскаго собора, стр. 175.

²⁾ Сиропула, sect. XI, cap. IV, p. 318.

³⁾ См. у современнаго историка *Дуки*,—Hist. Bysant. cap. XXXI (въ Патрол. *Миня* t. 157, col. 1013: 'Ο 'Ιρακλείας 'Αντώνιος καὶ οἱ πάντες ἀπεχρίνοντο).

фанъ, митрополитъ Кизическій, а на мѣсто Митрофана, умершаго 1-го Августа 1443-го года, помянутый нами выше іеромонахъ-протосинкелль Григорій Мамма. Но императоръ содержалъ унію,—несомнѣнно притворнымъ образомъ¹⁾, лишь съ своими патріархами, съ нѣсколькими епископами, которыхъ могли поставить послѣдніе, и съ немногими изъ своихъ приближенныхъ; что же касается до большинства духовенства и до народа, то ни одно, ни другой вовсе не хотѣли знать уніи. Когда епископы возвратились съ собора домой, то духовенство Константинопольское не соглашалось служить даже съ тѣми изъ нихъ, которые, раскаявшись въ своемъ согласіи на соединеніе, представляли въ свое оправданіе, что были увлечены къ тому неволею²⁾. А съ какою величайшею враждою встрѣтилъ унію народъ, объ этомъ мы можемъ заключить по той величайшей враждѣ, съ которою встрѣтилъ онъ ея возобновленіе спустя 12-ть лѣтъ и о чемъ ниже. Патріархи Александрійскій, Антиохійскій и Іерусалимскій, узнавъ о принятіи епископами, ѣздившими на соборъ, уніи съ папою и о томъ, что возведенный императоромъ на Константинопольскую патріаршую кафедру приверженецъ уніи Митрофанъ ставитъ въ епископы своихъ единомысленниковъ, въ началѣ 1443-го года собрались на соборъ въ Іерусалимѣ и на соборѣ произнесли свое осужденіе на унію и объявили всѣхъ митрополитовъ, епископовъ и прочихъ духовныхъ, поставленныхъ отъ Митрофана по единомыслию съ нимъ въ ереси, лишенными своихъ церковныхъ степеней и всякаго права священнодѣйствовать³⁾. Въ такомъ положеніи находилась унія въ Константинополѣ, что во все правленіе импер. Іоанна она даже не была формальнымъ образомъ обнародована въ немъ; преемникъ папы Евгенія IV Николай V писалъ преемнику импер. Іоанна Константину отъ Октября 1451-го года: *Ecce jam tot annos transiere, ex quo ista facta sunt,—заключена унія, et tamen apud Graecos unionis hujusmodi decretum silentio tegitur*⁴⁾. Что въ Константинополѣ унія съ папой была содержима только императоромъ и патріархомъ съ весьма немногими, это хорошо было извѣстно и у насъ въ Москвѣ. Св. митрополитъ Іона писалъ Кіевскому князю Александру Владимиро-

¹⁾ Какъ ясно даетъ знать это Сиропула—sect. X, cap. VI, p. 288 нач.

²⁾ Сиропула, sect. XII, cap. I; см. также въ Туркогреціи *Крузія* гражданской исторіи п. 16', p. 4.

³⁾ См. русскую Исторію Флорентійскаго собора, стр. 190.

⁴⁾ Посланіе папы Николая въ латинскомъ подлинникѣ съ греческимъ переводомъ въ 160-мъ томѣ греческой серіи Патрологіи *Миня*, col. 1208—1209.

вичу: „Самъ, сыну, вѣси, чтоже Божіею милостію и благодатію опрично зборныя церкви святыхъ Софѣя и царева палаты въ Цариградѣ ни въ монастырѣхъ, ни въ единой ни въ которой Божьей церкви, во всемъ Цариградѣ и во всей Святѣй горѣ, нигдѣже не поминается имя папино, а держать вси милостію Божьею ту добрую старину, еже по Божью повелѣнію отъ святыхъ апостолъ и отъ богоносныхъ отецъ, по священнымъ правиломъ и по всему божественному писанію, намъ преданную“¹⁾.

О преемникѣ Іоанна, послѣднемъ Византійскомъ императорѣ Константинѣ, который вступилъ на императорскій престолъ 6-го Января 1449-го года, принято думать, что тотчасъ по занятіи престола онъ объявилъ себя за православіе противъ уніи и что въ 1451-мъ году, въ виду рѣшительнаго приготовления Турокъ къ овладѣнію Константинополемъ, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ, для полученія помощи противъ Турокъ, обратиться къ папѣ съ предложеніемъ о возобновленіи или о восстановленіи уніи. На самомъ дѣлѣ гораздо вѣроятнѣе думать о Константинѣ, что первоначально онъ подобно брату держался уніи, — что въ 1451-мъ году, вынуждаемый требованіемъ духовенства и народа, онъ отказался было отъ нея и восстановилъ православіе и что почти тотчасъ послѣ восстановленія православія, по указанной выше причинѣ, онъ обратился къ папѣ съ предложеніемъ объ ея (уніи) восстановленіи²⁾. Какъ бы то ни было, но въ

¹⁾ Акт. Ист. т. I, № 47, стр. 94 фп., Памятн. канонич. права Павлова ч. I, № 66, col. 558 фп.—Нѣкоторые принимаютъ, что въ 1440-мъ году составлялся въ Константинополѣ соборъ изъ архіереевъ и многихъ клириковъ, который подалъ императору 'Απολόγιαν καὶ ἀναφοράν περὶ τῆς ἐν Φλωρεντίᾳ συνόδου, напечатанную патр. Іерусалимскимъ Нектаріемъ въ его 'Αντιρρήσις περὶ τῆς ἀρχῆς τοῦ πάπα, стр. 233—236 (напр. архимандритъ Андроникъ Димитракопулъ въ книгѣ: Ορθόδοξος Ἑλλάς, стр. 107). Но 'Απολόγια и ἀναφορά принадлежатъ не небывалому Константинопольскому собору 1440-го года, а группѣ архіереевъ, патриаршихъ сановниковъ и настоятелей Константинопольскихъ монастырей, не признававшихъ уніи, отъ которыхъ въ концѣ правленія патр. Митрофана и по рѣшительному настоянію сего послѣдняго требовано было императоромъ признаніе уніи и которые подали императору 'Απολόγιαν καὶ ἀναφοράν въ объясненіе и оправданіе своего упорства, сfr у *Сиропула* sect. XII, сар. XI.

²⁾ Если бы Константинъ тотчасъ по вступленіи на престолъ объявилъ себя за православіе: то тотчасъ же и долженъ бы былъ низвести съ кафедры патриарха—уніата Григорія Мамму. А между тѣмъ низведеніе Григорія со всею вѣроятностью должно быть относимо къ 1451-му году. Въ этомъ послѣднемъ году, въ Августѣ мѣсяцѣ, онъ бѣжалъ или изгнанъ былъ изъ Константинополя

1451-мъ году импер. Константинъ обратился къ преемнику папы Евгения IV Николаю V съ предложеніемъ о восстановленіи уніи, слѣдствіемъ каковаго предложенія было то, что въ Ноябрь 1452-го года прибылъ въ Константинополь отъ папы бывший Русскій митрополитъ Исидоръ, который 12-го числа слѣдующаго Декабря торжественно и восстановилъ въ храмѣ св. Софіи унію съ папой (не вводившуюся прежде, какъ мы сказали, официальнымъ и торжественнымъ образомъ¹⁾).

Современный греческій историкъ Дука сообщаетъ намъ свѣдѣнія, какъ было принято Греками это восстановленіе уніи. Прежде всего онъ говоритъ, что и тѣ немногіе, которые желали ея восстановленія и приняли ее восстановленную, желали и приняли, со включеніемъ и самого императора, только наружнымъ или притворнымъ образомъ, изъ-за нужды получить отъ папы и при его посредствѣ помощь противъ Турокъ²⁾. Затѣмъ, мы находимъ у него слѣдующее. 12-го Декабря, въ то время, какъ Исидоръ совершалъ въ храмѣ св. Софіи церемонію восстановленія уніи, народъ, воодушевленный противъ послѣдней знаменитымъ монахомъ Геннадіемъ, бывшимъ сановникомъ Георгіемъ, Схоларіемъ, ходилъ по городу и кричалъ анаѹему принявшимъ и имѣющимъ принять унію,—кричалъ, что не хочетъ помощи латинянъ ни соединенія съ ними и что пусть исчезнетъ служба азимитовъ³⁾. Послѣ 12-го Декабря народъ пересталъ ходить въ храмъ св. Софіи, чтобы не оскверниться, и началъ смотрѣть на

(Франца говоритъ о немъ: διέβη ἀπὸ τῆς πόλεως ὡς φογὰς,—lib. III, п. β', у *Миня* въ Патрол. col. 818; Дука употребляетъ о немъ выраженіе: ἐξόριστος πατριάρχης,—сар. XXXVI, у *Миня* въ Патрол. col. 1060; папа Николай V въ упомянутомъ выше посланіи къ импер. Константину употребляетъ о немъ выраженіе: abjectus Sacerdos,—у *Миня*, col. 1210) и со всею вѣроятностью должно думать, что послѣ своего низложенія онъ оставался или оставляемъ былъ въ Константинополѣ очень не долго. Нашъ Московскій великій князь Василій Васильевичъ Темный, поставившій въ концѣ 1448-го года въ митрополиты Русскіе св. Іону безъ спроса у патриарха—уніата, рѣшился извѣщать импер. Константина о своемъ поступкѣ только въ 1451-мъ году (см. грамоту въ Акт. Ист., т. I, №№ 41 и 262 и въ Памятникахъ канонич. права Павлова № 71). Но если бы Константинъ тотчасъ по вступленіи на престолъ объявилъ себя за православіе: то и великій князь долженъ былъ бы извѣстить его о своемъ поступкѣ тотчасъ послѣ его вступленія на престолъ.

¹⁾ Дука, сар. XXXVI, въ Патрол. *Миня* t. 157, coll. 1057 и 1060.

²⁾ Сар. XXX, у *Миня* coll. 1057, 1060—61.

³⁾ Сар. XXXVI, у *Миня* coll. 1057 и 1060.

3рн
 него какъ на прибѣжище демоновъ (ὡς καταφύγιον δαιμόνων), какъ на языческое капище и какъ на іудейскую синагогу¹⁾. Священники, бывшіе противъ уніи, строжайше воспрещали мірянамъ имѣть общеніе съ священниками, принимавшими унію, говоря, что они не священники и что приносимая ими евхаристія не есть евхаристія; если священникъ уніатъ являлся на похороны или на поминовение усопшихъ, то священники неуніаты тотчасъ, сбросивъ ризы, бѣжали какъ отъ огня²⁾. Самъ народъ не хотѣлъ причащаться отъ священниковъ уніатовъ, говоря, что это значило бы получать не освященіе, а оскверненіе, и смотрѣлъ на церкви, въ которыхъ они служили, какъ на языческія капища³⁾. На представленіе, что унія съ папой есть единственное средство спасенія Константинополя отъ Турокъ, народъ отвѣчалъ, что лучше желаетъ видѣть господствующую въ немъ чалму турецкую, чѣмъ шляпу латинскую (Κρείττοτέρον ἐστὶν εἶδέναι ἐν μέσῃ τῇ πόλει φακίόλιον βασιλέως Τούρκων ἢ καλύπτραν λατινικὴν⁴⁾). Наконецъ, чтобы показать всю необычайную и непоборимую силу отвращенія Грековъ къ латинянамъ, Дука говоритъ, что когда по взятіи Константинополя Турками народъ, ища спасенія отъ ихъ меча, сбѣжался въ храмъ св. Софїи, то если бы и тогда сошелъ ангелъ съ неба и сказалъ: „примите унію и прогоню враговъ изъ города“, народъ не принялъ бы уніи⁵⁾.

Необычайное отвращеніе Грековъ къ латинянамъ, проявленное ими по поводу Флорентійскаго собора, не было съ ихъ стороны какой нибудь мимолетной вспышкой, условленной чѣмъ нибудь временнымъ и случайнымъ, а было выраженіемъ давняго и закоренѣлаго чувства, свидѣтельства о чемъ идутъ весьма издалека, равно какъ имѣются и изъ времени, непосредственно предшествовавшаго собору. Въ 1098-мъ году одинъ изъ вождей крестоносцевъ писалъ другому вождю (Бозмундъ Тарентскій Готтфриду Буильёнскому) относительно Грековъ, съ которыми послѣднему предстояло имѣть дѣло, какъ герцогу Антиохійскому: „Знай, лучший изъ людей, что тебѣ предлежитъ имѣть дѣло противъ злѣйшаго звѣря и съ человѣкомъ негоднымъ, котораго помысль состоитъ въ томъ, чтобы всегда обманывать и до самой смерти всякими способами преслѣдовать весь латинскій родъ,

¹⁾ Сарр. XXXVII и XXXIX, у *Миня* coll. 1065, 1072 и 1104.

²⁾ Сарр. XXXVII, у *Миня* col. 1065.

³⁾ Сарр. XXXVI, у *Миня* col. 1062.

⁴⁾ Сарр. XXXVII, у *Миня* col. 1072.

⁵⁾ Сарр. XXXIX, у *Миня* col. 1104.

ибо я знаю злобу и упорно-непобѣдимую ненависть Грековъ къ латинянамъ“; а второй изъ вождей отвѣчалъ первому, что, зная прежде о ненависти Грековъ къ латинянамъ по слуху, онъ ежедневно убѣждается теперь въ этомъ на дѣлѣ¹⁾. По поводу взятія въ 1186-мъ году Сицилійцами Θεσσαλονики, при чемъ подверглась величайшему поруганію святыня Грековъ, Никита Хониатъ говоритъ: „Между нами и ими (проклятыми латинянами) утвердился величайшая пропасть вражды, мы не можемъ соединиться душами и совершенно расходимся другъ съ другомъ, хотя и бываемъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и часто живемъ въ одномъ и томъ же домѣ“²⁾. Первый латинскій императоръ Константинополя Балдуинъ писалъ папѣ Иннокентію III о Грекахъ: „это такой народъ, который не удостоивалъ всѣхъ латинявъ имени людей и называлъ (ихъ) собаками и который проливать ихъ кровь считалъ почти заслугой“³⁾. Греческій императоръ Михаилъ Палеологъ, отнявшій въ 1261-мъ году Константинополь у латинявъ, опасаясь новаго отнятія ими у него города, увидѣлъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ защитѣ папы и заключилъ съ нимъ унію на Ліонскомъ соборѣ 1274-го года. Когда не смотря на прямыя и ясныя заявленія, что требуется унія лишь на словахъ и притомъ съ самыми легкими обязательствами по отношенію къ папѣ⁴⁾, императоръ встрѣтилъ рѣшительное себѣ сопротивленіе, то онъ обрушился на сопротивляющихся жестокими казнями. А эти казни, нисколько не помогли дѣлу фиктивной уніи, кончившейся со смертью Михаила Палеолога въ 1282-мъ году, должны были сильно увеличить вражду Грековъ къ латинянамъ. Одинъ западный паломникъ писалъ въ 1428-мъ году, что Греки открыто признаются, что они лучше примутъ вѣру турецкую, нежели латинскую⁵⁾.

Послѣ взятія Константинополя Турками 29-го Мая 1453-го года, Греки, какъ бы нарочито показывая свою непримиримую вражду къ

¹⁾ См. у *Вильгельма Турскаго* въ *Historia rerum transmarinarum*, lib II, cap. 10.—въ Патрол. *Миня* t. 201, col. 260; выписка у *Пихлера* въ *Kirchliche Trennung*, I, 281—282.

²⁾ Царствованія Андроника Комнина кн. I, п. 8 (русск. перев. I, 383).

³⁾ Въ Патрол. *Миня* t. 215, col. 452; выписка у *Пихлера*, *ibid.* I, 308.

⁴⁾ См. Пахимера кн. V, pp. 18 и 20 (русск. перев. стрр. 355 и 364).

⁵⁾ См. у *архим. Арсенія* въ Лѣтописи церковныхъ событій, 2-го изд. стр. 539 (Нарочитыя рѣчи о враждѣ Грековъ къ латинянамъ можно читать въ сочиненіи *А. П. Лебедева*: *Очерки исторіи Византійско-восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка*, стр. 79 sqq).

ставшей теперь совсѣмъ бесполезною для нихъ уніи, избрали себѣ въ патріархи (на освободившееся такъ или иначе патріаршее мѣсто, о чемъ нѣсколько словъ ниже) помянутаго выше знаменитаго Геннадія Схоларія, который до взятія Константинополя Турками самымъ настоятельнымъ образомъ вооружалъ и возбуждалъ ихъ противъ уніи ¹⁾.

Изъ представленнаго нами краткаго историческаго изложенія дѣла объ уніи Флорентійской, надѣмся, совершенно ясно видно, что при посредствѣ этой уніи Греки вовсе не могли заразиться латинскими ересями и погрѣшеніями: ибо какъ могли они заразиться, когда на самомъ дѣлѣ вовсе не принимали уніи и когда встрѣтили ее съ самой ожесточенной враждой? Но, наконецъ, если бы кто сталъ упорно настаивать, что это зараженіе имѣло мѣсто, то для совершеннаго загражденія устъ подобному упорному мы имѣемъ документальное свидѣтельство. До насъ дошелъ актъ Флорентійской уніи ²⁾. Изъ этого акта, въ которомъ прописано, чего именно требовалъ папа отъ Грековъ и на что они согласились, видно, что папа вовсе не посягалъ на какіе либо обряды и обычаи Грековъ, а требовалъ отъ нихъ признанія и они съ своей стороны изъявили готовность на признаніе, во-первыхъ, римскаго ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о совершеніи литургіи на опрѣснокахъ и о чистилищѣ, а вовторыхъ: главенства папы въ церкви. Но рѣшится ли ктонибудь утверждать, чтобы Греки когданибудь послѣ Флорентійскаго собора принимали тотъ или другой изъ сейчасъ указанныхъ пунктовъ латинскаго ученія и чтобы они когданибудь послѣ собора признавали главенство папы въ церкви? ³⁾

¹⁾ О горячей и неустанной проповѣди Геннадія противъ уніи говорить Дука, — сарр. XXXVI и XXXVII, у *Мина* coll. 1057 fin., 1065, 1072.

²⁾ Актъ изданъ нѣсколько разъ. Последнее и лучшее, извѣстное намъ, изданіе его въ *Monumenta, spectantia ad unionem Ecclesiarum Graecae et Romanae*, edita ab *Augustino Theiner et Francisco Miklosich*, Vindobonae, 1872, pp. 46—56.

³⁾ Сохранилось до настоящаго времени посланіе патр. Митрофана къ духовенству одной епархіи. Изъ этого посланія оказывается, что Греки — уніаты не соблюдали и всего того, къ чему обязывались въ актѣ уніи. Патріархъ говоритъ въ посланіи: „Должны вы знать, что всѣ наши церковные обычаи, въ священной службѣ святаго Тѣла Христова и въ прочихъ послѣдованіяхъ, и чтеніе священнаго символа мы сохраняемъ, какъ прежде, совершенно ничего не измѣнивши“ (Γινώσκειν δὲ ὀφείλετε, ὅτι πάντα ἡμῶν τα ἐκκλησιαστικά ἐθῆ ἐν

Увѣреніе, будто послѣ взятія Константинополя Турками латиняне выкупили всѣ греческія рукописи, содержація учительныя отеческія творенія, и, переправя ихъ по своему, печатали ихъ въ искаженномъ видѣ и раздавали Грекамъ, у Арсенія Суханова въ извѣстномъ Преніи съ Греками читается такъ: „По взятіи Царяграда отъ Турка латинницы книги греческія всѣ выкупили и у себя переправя печатали по гречески и вамъ (Грекамъ) раздавали“. Очень вѣроятно думать, что увѣреніе и принадлежитъ самому Арсенію Суханову, какъ его автору. Но если такъ, то Арсеній рѣшился высказать его или не зная дѣла или же позволяя себѣ недобросовѣстность. На Западѣ дѣйствительно были попытки, особенно со стороны Іезуитовъ, искажать восточныхъ отцевъ съ цѣлю благопріятствованія латинскому ученію. Но попытки, какъ дѣло безчестное, встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны самихъ же западныхъ ученыхъ, которые нещадно обличали ихъ, такъ что онѣ никого не могли ввести въ заблужденіе и никому не могли причинить никакого вреда. А вообще творенія восточныхъ отцевъ изданы западными учеными вполне добросовѣстно и такъ хорошо, какъ самимъ Грекамъ, а равно и намъ — Русскимъ, никогда бы ихъ не издать, такъ что отъ Грековъ и отъ насъ — Русскихъ они заслуживаютъ величайшей благодарности (безъ западныхъ ученыхъ мы даже и не особенно хорошо не издали бы всѣхъ твореній отеческихъ). Когда Арсеній говоритъ, будто латинницы выкупили всѣ греческія книги, то въ опроверженіе его достаточно напомнить, что самъ же онъ привезъ въ Москву съ Аэона большое количество греческихъ книгъ и что книгъ этихъ и до сихъ поръ остается на Аэонѣ чрезвычайно большее количество. Есть еще легенда или сказка, которая не утверждаетъ, чтобы латиняне переправили по своему греческія книги, но которая утверждаетъ, будто благодаря злонамѣренности латинянь „конечное оскудѣ“ у Грековъ философія. Въ одномъ изъ сказаній о преп. Максимѣ Грекѣ читается, что, объясняя вел. кн. Василию Ивановичу, почему ходилъ для образованія въ западную Европу, Максимъ говорилъ государю: „Сего ради, православный самодержче государь, изъ греческія земли въ западныя страны отъ младыхъ ногтей вдахся на ученіе, понеже не обрѣтохъ въ гречестей странѣ философскаго ученія, ради великія скудости книжныя, егда убо безбожныи Турки обладаша Царствующимъ градомъ, тогда

τῆ τε ἱερᾶ τελετῆ τοῦ ἁγίου σώματος τοῦ Χριστοῦ καὶ ταῖς ἄλλαις ἀκολουθίαις καὶ τὴν τοῦ ἱεροῦ συμβόλου ἀνάγνωσιν τηροῦμεν ὡς πρότερον, οὐδὲν τὸ σύνολον ἐν ἀλλάξαντες), см. посланіе въ книгѣ *J. G. Pitzipios'a L'Eglise Orientale*, II, 48.

нѣщїи благочестивїи взяша множественное множество греческихъ книгъ, хотяще соблюсти благочестїя вѣру, да не до конца угаснетъ свѣтило греческое православїе отъ безбожныхъ и богомерзкихъ Турокъ, и тако отплыша моремъ въ Римъ; латынстїи же люди, тщеславни зѣло и отъ многихъ лѣтъ желяху восточныхъ учителей списанїя видѣти, но гречестїи цари не изволиша сему быти ради отступленїя ихъ отъ православїя; егда же уллучиша время, принесенныя убо отъ Грекъ книги въ свой римскїй языкъ преложиша, и греческіе же книги отнюдь всѣ огнемъ сожгоша, и такъ конечное оскудѣ у Грековъ философія“¹⁾. Это мнимое показанїе преп. Максима Грека, не говорящее прямо, что у Грековъ погибло православїе, но такъ сказать инсинуирующее и заставляющее подозрѣвать это, взято у извѣстнаго князя Андрея Михайловича Курбскаго изъ его предисловія къ переводу словъ Іоанна Златоустаго, названнаго имъ Новымъ Маргаритомъ, и тенденціознымъ образомъ передѣлано такъ, чтобы утверждать совсѣмъ противное или обратное тому, что утверждается въ подлинникѣ. Курбскїй пишетъ, что онъ спрашивалъ своего учителя, преп. Максима Грека: всѣ ли творенїя отеческія переведены на славянскїй языкъ и что получилъ отъ него въ отвѣтъ: „Не переведены суть во словенскїй, но въ грецкомъ всѣ обрѣтаются, а не токмо во словенскїй, но ни въ латинскїй языкъ не дозволены были преложитися, аще и зѣло ихъ Римляня желали и многїя прошенїя о томъ чинили, но грецкими цесарми было забраняемо сіе имъ и никакожь попускаемо, не вѣмъ, рекль, чего ради²⁾, даже до Царствующаго града взятїя; егда же, грѣхъ ради христіанскихъ, Константиновъ градъ по Божїю праведному суду преданъ былъ подъ власть безбожныхъ Турковъ и святилище великое Божїя Премудрости оскверненно суще и оltарь великій опровержень, патріархъ Анастасїй³⁾ и презвитеры и

¹⁾ Троицк. Лаврск. ркп. № 201, гл. 134, л. 553 об. О преложенїи латинянами греческихъ книгъ въ свой римскїй языкъ и о сожженїи ими послѣ сего всѣхъ греческихъ книгъ говорится и въ повѣсти о бѣломъ клобукѣ, см. Памятники старинн. русск. литературы *Кушелева-Безбородко*, I, 288.

²⁾ Или Курбскїй перетолковалъ преп. Максима Грека; или же преп. Максимъ Грекъ говорилъ Курбскому нѣчто такое, чего мы объяснить не въ состоянїи. На Западѣ дѣйствительно мало знакомы были съ творенїями восточныхъ отцевъ (и съ классической греческой литературой) до взятїя Константинополя Турками, но не по указанной причинѣ, представляющей собою *pompens*, а по другой.

³⁾ Извѣстно весьма сомнительное дѣянїе собора, будто бы бывшаго въ Константинополѣ при импер. Константинѣ, въ которомъ говорится, что на мѣ-

всеи клирици отъ церкви отогнанны и въ плѣнъ и въ работу взяты; послѣди же патріархъ отъ рукъ ихъ утече съ нѣкоими презвитеры и діяконы до Венацїи и зъ собою газофилякію (либрарїю, або книгохранительницу, какъ поясняетъ на полѣ самъ Курбскїй) церковную изнесе; Венеты же, видѣвъ давно желательное въ рукахъ ихъ, все остави, яшася вседушне за книги учителей вѣсточныхъ церквей, и посаждаютъ двухъ презвитеровъ Софѣйскихъ и Петра архидїякона, мужей не точїю въ священныхъ писанїяхъ искусныхъ, но и вѣшнюю философію навывшихъ, и ктому придаютъ имъ въ помощь своихъ премудрыхъ и преводятъ книги всѣхъ учителей нашихъ, елико ихъ обрѣли, отъ еллинскїе бесѣды на римскую, по чину и разуму грамотическому, не отмѣняяще не (ни) малѣйше; и преложивше ихъ на языкъ свой даютъ въ друкъ (на печатанїе) и размножаютъ много и посылаютъ, продающе ихъ лехкою (дешевою) цѣною не точїю въ Италиї, но и по всѣмъ странамъ западнымъ, на исправленїе и просвѣщенїе народовъ христіанскихъ“¹⁾.

сто низведеннаго соборомъ патріарха—унїата Григорїя Маммы поставленъ былъ православный патріархъ, по имени Аванасїй (дѣянїе напечатано Аллациемъ въ его сочиненїи: *De Ecclesiae Orientalis et Occidentalis perpetua consensione*, pp. 1380—1389, и потомъ въ обширѣйшей редакціи патріархомъ Іерусалимскимъ Досевеемъ въ его изданїи: *Τόμος καταλλαγής*, стрр. 457—521). Но что на мѣсто Григорїя Маммы соборомъ или не соборомъ дѣйствительно поставленъ былъ православный патріархъ, представляющїй собою предшественника Геннадїю Схоларїю, относительно этого кромѣ показанїя Курбскаго извѣстны и другїя наши русскїя свидѣтельства. Повѣсть о взятїи Царяграда Турками, читаемая въ Никоновской и Воскресенской лѣтописяхъ (въ первой—V, 231—277, во второй—Собр. лѣтт. VIII, 125—144), утверждаетъ, что у Грековъ во время осады Константинополя Турками былъ и потомъ, на то или другое время, пережилъ осаду православный патріархъ Анастасїй. Новгородская 3-я лѣтопись говоритъ, что Царьградъ взятъ Турками при императорѣ Константинѣ и патріархѣ Аванасїи (Собр. лѣтт. III, 240 fin.).

¹⁾ См. Предисловіе къ новому Маргариту въ сочиненїи—изданїи: Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, Кїевъ, 1849, т. II, стрр. 308—310. Должно, впрочемъ, оговориться и прибавить, что извѣстна другая запись Курбскаго, въ которой утверждается, будто о греческихъ книгахъ, относящихся къ наукамъ словеснымъ,—физикѣ, метафизикѣ и логикѣ или диалектикѣ, Максимъ дѣйствительно говорилъ ему (Курбскому), что когда достались онѣ латинянамъ, то послѣдніе перевели ихъ на свой языкъ, а ихъ (греческія книги), многїя зависти ради, пожгли, см. въ Описанїи рукописей *Хлудова*, составл. А. Поповымъ, № 60, л. 66, стр. 118.

Что Греки долгое время печатали свои богослужебныя книги въ Венеціи, это совершенная правда; но чтобы венеціанскіе латинскіе типографчики, печатавшіе для нихъ книги, повреждали послѣднія во время печатанія и вносили въ нихъ свои латинскія ереси и погрѣшенія, это совершенная неправда.

Греки сознали великую пользу книгопечатанія и его рѣшительное превосходство надъ рукописаніемъ гораздо ранѣ насъ—Русскихъ, такъ что первая греческая книга была напечатана въ 1486-мъ году ¹⁾, за 78 лѣтъ до напечатанія въ Москвѣ первой славянской книги. Но типографское мастерство есть мастерство очень подозрительное, легко и почти неизбежно возбуждающее мысль о злоупотребленіяхъ, а поэтому Греки, въ виду опасности привлечь на себя подозрѣнія Турокъ, долгое время и не находили возможнымъ заводить у себя своихъ типографій, а хотѣли пользоваться типографіями заграничными, именно—ближайшаго къ нимъ и наиболѣе знакомаго имъ западнаго города Венеціи ²⁾. Но дѣло было не такъ, чтобы Греки заказывали венеціанскимъ типографщикамъ (между которыми, не мѣшаетъ замѣтить, было нѣсколько и собственныхъ православно-греческихъ) и печатать книги и вмѣстѣ изготовлять текстъ книгъ для печати, а такъ, что они заказывали типографщикамъ только печатать, а текстъ для печати изготовляли сами. Обыкновенно было такимъ образомъ, что какойнибудь образованный Грекъ, побуждаемый желаніемъ оказать услугу своимъ соотечественникамъ или надеждою денежной выгоды, изготовлялъ текстъ какойнибудь богослужебной книги и изготовленный имъ текстъ отдавалъ въ типографію для напечатанія. Но типографіи обязываются печатать съ совершенно неизмѣнною точностью то, что имъ доставляется для печатанія: такъ это есть теперь, такъ это было съ самаго начала книгопечатанія, ибо такъ это должно быть по существу дѣла. А если бы и предположить совершенно невѣроятное, что венеціанскіе типографчики, ревнуя о своемъ католичествѣ, хотѣли рѣшиться на подлоги и искаженія въ поручавшихся имъ для печатанія греческихъ книгахъ: то хотѣніе не могло бы осуществиться по той простой причинѣ, что корректуру печатавшихся

¹⁾ См. *Νεοελληνικὴν Φιλολογίαν* *Андрея Пападопула Врето*, т. I, № 1.

²⁾ Въ 1627-мъ году патр. Кириллъ Лукарисъ завелъ было типографію въ Константинополь, но инсинуаціи на него по поводу нея турецкому правительству со стороны іезуитовъ заставили его отказаться отъ собственнаго книгопечатанія въ слѣдующемъ же 1628-мъ году, см. *Νεοελληνικὴν Φιλολογίαν* *Константина Сатты*, стр. 275 sqq.

книгъ обыкновенно держали сами тѣ Греки, которые заказывали типографіямъ печатаніе книгъ. Вообще, какъ въ настоящее время у насъ и гдѣ бы то ни было намѣренное искаженіе типографщиками какихъ бы то ни было книгъ есть дѣло невозможное и не могущее имѣть мѣста: такъ и въ XV—XVII в. оно было для венеціанскихъ типографщиковъ дѣломъ невозможнымъ и не могшимъ имѣть мѣста по отношенію къ греческимъ богослужебнымъ книгамъ, которыя они печатали.

(У Арсенія Суханова въ Преніи указаніе на тотъ способъ передачи латинянами Грекамъ ихъ ересей и погрѣшеній, о которомъ у насъ рѣчь, читается: „Вамъ (Грекамъ) книги печатаютъ въ Венеціи и во Англіи по еллинскому писанію“. Указаніе вмѣстѣ съ Венеціей на Англію служить съ одной стороны доказательствомъ подлинной принадлежности Пренія Суханову, ибо у позднѣйшаго поддѣльвателя Англія, конечно, не могла бы явиться; а съ другой стороны оно (указаніе) отъ недостаточнаго знанія ошибочно: въ 1624-мъ году завелъ было въ Лондонѣ типографію греческій монахъ Никодимъ Метакса, но, во первыхъ, типографія принадлежала не комулибо изъ еретиковъ, Англичанъ, а православному Греку, воторыхъ—она существовала весьма недолго и, сколько извѣстно, въ ней не было напечатано ни одной богослужебной книги ¹⁾.—Въ преніяхъ съ Греками Сухановъ опровергалъ ссылку своихъ противниковъ на то, что ихъ книги приготовляютъ для печати ихъ же православные Гречане указаніемъ, что у одного изъ дидаскаловъ, присутствовавшихъ на преніяхъ, была печатная грамматика, въ которой символъ вѣры былъ напечатанъ съ прибавленіемъ: „и отъ Сына“. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, что эта неизвѣстная грамматика была изданіемъ не православнаго Грека. А если православный человекъ пользовался книгою, которая содержала въ себѣ ереси, такъ изъ этого ничего не слѣдуетъ: пользуясь книгою, православный человекъ смотрѣлъ на содержавшіяся въ ней ереси именно какъ на ереси.

Совершенно вѣрно, что греческіе дидаскалы или учителя отправлялись для полученія образованія въ западную Европу; но совершенно невѣрно, что слѣдствіемъ сего было зараженіе греческой церкви латинскими ересями и погрѣшеніями.

Мы—Русскіе обходились безъ настоящаго просвѣщенія и не чувствовали нужды въ немъ до времени Петра Великаго. Но у Грековъ было иное. Хотя послѣ блестящихъ въ отношеніи къ просвѣ-

¹⁾ См. въ сей часъ указанномъ сочиненіи *К. Сатты*, стр. 274—275.

щенію древнихъ временъ потомъ оно и значительно у нихъ унало, но никогда не пропадала у нихъ жажда его и никогда не исчезало у нихъ и оно само. Послѣ взятія Константинополя Турками настали тяжелыя времена для просвѣщенія въ самой Греціи, между тѣмъ на Западѣ, не говоря о полной свободѣ и величайшемъ покровительствѣ, которыми пользовались науки, начались времена такъ называемаго ихъ (наукъ) возрожденія: и греческіе юноши, жаждавшіе и желавшіе просвѣщенія, устремились для его приобрѣтенія на Западъ. Главное учебное заведеніе, въ которомъ Греки искали себѣ западнаго образованія, составлялъ Падуанскій университетъ, такъ какъ Падуа была ближайшимъ университетскимъ городомъ къ Венеціи, мѣсту преимущественной высадки Грековъ на итальянскомъ берегу. Но въ Падуанскомъ университетѣ, равно какъ и въ другихъ обыкновенныхъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи, вовсе не занимались нарочитою пропагандой; а поэтому и неприкосновенность православной вѣры Грековъ, учившихся въ университетѣ и другихъ обыкновенныхъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи, вовсе не подвергалась опасности. Впрочемъ, были, вѣроятно, отдѣльные случаи измѣны православію и отпаденія въ латинство, имѣвшіе своей причиной не то, что юноши учились въ учебныхъ заведеніяхъ Италіи, а то, что, живя въ Италіи, они попадали вліянію вѣшкольныхъ ревнителей католичества, которые увлекали ихъ въ послѣднее. Затѣмъ, было въ Италіи учебное заведеніе, которое имѣло нарочитою своею цѣлію воспитывать греческихъ юношей въ католичество съ тѣмъ, чтобы они по возвращеніи домой посвящали себя пропагандѣ католичества между своими соотечественниками, это—греческая коллегія, основанная въ Римѣ въ 1577-мъ году папою Григоріемъ XIII и дѣйствительно приготовившая изъ Грековъ-рenegатовъ нѣсколько ревностныхъ слугъ католичества, каковы: Петръ Аркудій, Матѳей Каріофилъ, Левъ Алляцій и другіе. Но если такимъ образомъ составляетъ дѣйствительный фактъ, что благодаря ученію и пребыванію Грековъ въ Италіи были между ними отдѣльные случаи отпаденія въ католичество: то эти отдѣльные случаи вовсе не означаютъ того, чтобы греческая церковь, благодаря своимъ дидаскаламъ, учившимся въ Италіи, заразилась латинскими ересями и погрѣшеніями. Отдѣльные люди между Греками отпадали отъ православія въ католичество и даже становились ревностными слугами послѣдняго: но церковь греческая, какъ таковая, въ неприкосновенной цѣлости сохраняла все свое православіе и терпѣла только тотъ ущербъ, что лишалась нѣсколькихъ своихъ членовъ. Люди, отпадавшіе отъ православія въ католичество или эти ренегаты могли увле-

кать въ католичество другихъ отдѣльныхъ, и даже болѣе или менѣе многихъ, людей: но опять вредъ для церкви, нисколько не утрачивавшей чистоты православія, былъ лишь тотъ, что она теряла болѣе или менѣе значительное количество своихъ членовъ. Чтобы извинить Грековъ, отправлявшихся для приобрѣтенія просвѣщенія въ католическо-схизматическую Италію, достаточно напомнить, что древніе знаменитые отцы церкви: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустый искали себѣ просвѣщенія у языческихъ учителей, а что, наприм. Василій Великій прямо совѣтуетъ христіанскимъ юношамъ читать сочиненія языческихъ писателей (Бесѣда къ юношамъ о томъ, какъ получить пользу изъ языческихъ сочиненій¹⁾). А какіе прекрасные учителя и какіе горячіе ревнители православія могли выходить изъ Грековъ, учившихся въ Италіи, достаточно напомнить, что преп. Максимъ Грекъ провелъ въ Италіи, для изученія въ ней наукъ, около десяти лѣтъ.

(У Суханова это заявленіе о дидаскалахъ греческихъ, ходившихъ учиться въ Италію, читается: „Дидаскалы ваши ходятъ учиться въ Римъ и въ Венецію и отъ тѣхъ наукъ приходятъ къ вамъ и тамъ они будучи, якоже въ коростовомъ стадѣ здравая скотина окоростываетъ, и тако ваши дидаскалы приходятъ къ вамъ“... Подъ Римомъ Сухановъ, по всей вѣроятности, разумѣетъ римскую коллегію Григорія XIII, а подъ Венеціей, должно думать, разумѣетъ находившійся по близости ея Падуанскій университетъ).

Итакъ, всѣмъ тѣмъ, на что указывали дониконовскіе Русскіе и на что указываютъ старообрядцы въ подтвержденіе своего мнѣнія о позднѣйшихъ Грекахъ, будто Греки эти утратили чистоту православія древнихъ Грековъ и заразились отъ латинянъ ихъ еретическими новшествами, нисколько не подтверждается справедливости мнѣнія: все это совершенно несостоятельно и представляетъ собой — если дѣйствительные факты, то такіе, изъ которыхъ создаются свидѣтельства въ пользу мнѣнія безъ всякаго основанія, а если не факты, то цѣлѣныя сказки и выдумки.

¹⁾ Пусть старообрядцы читаютъ предисловіе къ грамматикѣ, напечатанной въ Москвѣ при патр. Іосифѣ въ 1648-мъ году. Въ немъ обстоятельно и настоятельно, свидѣтельствами и примѣрами отцевъ и писателей, доказывается необходимость просвѣщенія и сильно порицаются тѣ христіане, которые ненавидятъ и отсмущаютъ внѣшнее ученіе, т. е. ученіе, касающееся не христіанской православной вѣры, а обыкновенныхъ человѣческихъ знаній, заимствуемыхъ и не у христіанскихъ учителей.

Исторія Флорентійскаго собора свидѣтельствуеъ не о томъ, будто чрезъ посредство этого собора Греки заимствовали отъ латинянъ ихъ еретическія и погрѣшительныя новшества, но о томъ, что къ его времени Греки питали величайшее отвращеніе къ латинству. А что касается до времени послѣ Флорентійскаго собора, то всякій, кто хоть сколько нибудь знаетъ исторію Грековъ за послѣдующее послѣ собора время, очень хорошо знаетъ, что не только вовсе не являлось въ это послѣдующее время такихъ обстоятельствъ, которыя бы могли превратить вражду Грековъ къ латинянамъ въ расположеніе къ нимъ, но что напротивъ были только обстоятельства, которыя должны были довести вражду до самой послѣдней и до самой возможной степени напряженія,—разумѣемъ католическую пропаганду на Востокъ. Не отсутствуютъ и внѣшнія свидѣтельства о православіи Грековъ послѣ Флорентійскаго собора. Спустя 45-ть лѣтъ послѣ него въ 1484-мъ году собираемъ былъ соборъ въ Константинополѣ, на которомъ подтвердительно торжественнымъ образомъ осуждена была Флорентійская унія и на которомъ составленъ былъ чинъ принятія обращающихся въ православіе изъ латинства (черезъ муропомазаніе ¹⁾). Въ первой половинѣ XVI вѣка громко свидѣтельствовалъ о православіи Грековъ преп. Максимъ Грекъ ²⁾. Во второй половинѣ XVI вѣка Греки ясно засвидѣтельствовали о своемъ православіи своимъ поведеніемъ въ дѣлѣ введенія уніи въ нашей югозападной Руси. Наконецъ, непрерывный за все время рядъ свидѣтелей представляютъ изъ себя тѣ весьма многіе греческіе писатели, которые писали противъ латинства и въ его опроверженіе ³⁾.

Но если бы и отсутствовали всякія внѣшнія свидѣтельства, то совершенная несправедливость мнѣнія, будто позднѣйшіе Греки заразились отъ латинянъ ихъ еретическими и погрѣшительными новшествами, съ рѣшительностью доказывается свидѣтельствомъ внутреннимъ. Если бы позднѣйшіе Греки заразились отъ латинянъ еретическими и погрѣшительными новшествами: то, конечно, были бы извѣстны эти новшества. Но такихъ новшествъ вовсе неизвѣстно. Правда, старообрядцы указываютъ на заимствование Греками отъ латинянъ троеперстія для крестнаго знаменія. Но это вовсе неоснова-

¹⁾ См. въ Синагмѣ канонѣвъ *Ралли и Потли*, V, 143.

²⁾ Сочиненій Максима Казанск. изд. ч. III, стр. 154 и 156.

³⁾ См. книгу архимандрита Андроника Димитракопула *Ορθοδοξος Ελλάς ητοι περι των Ελληνων, γραφαντων κατα Λατινων* (Православная Греція или о Грекахъ, писавшихъ противъ латинянъ), 'Εν Δεσφιά, 1872.

тельно. Троеперстіе употребляется у латинянъ не для крестнаго знаменія, а для благословенія, и по формѣ своей отлично отъ троеперстія греческаго (три первые перста не соединяются пушками въ одно мѣсто, какъ въ нашемъ троеперстіи, но протягиваются, именно—протягиваются указательный и большой персты, а палецъ или прижимается къ нимъ или же отводится въ сторону. На извѣстныхъ Корсунскихъ вратахъ Новгородскаго Софійскаго собора, представляющихъ собою произведеніе мастеровъ западныхъ, есть изображенія Спасителя и епископовъ западныхъ съ благословляющею троеперстно рукою. Троеперстіе такъ мало похоже на наше, что принимается раскольниками за ихъ двоеперстіе ¹⁾.

¹⁾ Указывали еще дониконовскіе Русскіе, а за ними указываютъ старообрядцы, будто Греки заимствовали отъ латинянъ обливаніе въ таинствѣ крещенія. Но это есть недоразумѣніе: Греки не заимствовали отъ латинянъ обливанія, а при крещеніи младенцевъ употребляютъ такое погруженіе, которое можетъ быть смѣшиваемо съ латинскимъ обливаніемъ и принимаемо за послѣднее. Греки всегда твердо учили, какъ и до сихъ поръ учатъ, что крещеніе должно быть совершаемо чрезъ погруженіе (о времени Флорентійскаго собора см. у Сумеона Солунскаго *De sacramentis*, cap. 63, въ Патрол. *Миня*, t. 155, col. 228; о новомъ времени—изданіе *Иліи Танталида* *Παπιστικοί ελεγχοί*, томъ III, *Εν Κωνσταντινουπόλ.*, 1853, содержащій трактатъ *Περί τοῦ ἁγίου βαπτίσματος*). Но чрезъ настоящее или полное погруженіе они крестили и крестятъ только взрослыхъ. Что же касается до младенцевъ, то въ виду опасности утопленія или, какъ выражаются наши славянскіе служебники, залитія, они большею частію крестили, какъ и до сихъ поръ крестятъ (?), ихъ чрезъ погруженіе неполное или не совѣмъ настоящее: младенецъ поставляется въ купели, погруженный въ воду по шею, а на голову его священникъ трижды возливаетъ воду горстію правой руки (у латинянъ крещеніе совершается такъ, что одѣтаго младенца держитъ на рукахъ восприемникъ или восприемница, что священникъ открываетъ голову младенца и трижды крестообразно льетъ на нее немного освященной, принесенной имъ съ собой, воды изъ малаго сосуда. По-гречески латинское малое ляніе воды или окропленіе—*ραντισμός*). Патриархъ Григорій Мамма въ своей Апологіи противъ Марка Ефесскаго пишетъ: *Οὐδ' ἡμεῖς (Греки) καταδύομεν τὰ νήπια μέχρι ὅλης κορυφῆς, διότι οὐ δυνάμεθα παραγγέλλειν αὐτοῖς φυλάττειν εἰσπνοὴν καὶ ἐκπνοὴν τῆς ῥινός, ἵνα ταύτης φυλαττομένης καὶ ἡ δι' ὧτων τοῦ ἱεροῦ ὕδατος εἴσοδος φυλάττηται· ἀλλ' οὐδὲ τὸ στόμα τοῦ νηπίου κλείειν δυνάμεθα· ἀλλ' ἐμβάλλομεν αὐτὰ εἰς τὴν κολυμβήθραν, ὡς πάντοτε ἀναγκαῖον καὶ παραδεδομένον οἰοῦναι τῆς κολυμβήθρας μῆτραν εἰκονίζουσης καὶ τὴν ἀναγέννησιν διὰ τοῦτου δηλοῦσης· καὶ ἵνα μὴ ἡ κεφαλὴ, ἔνθα ἡ τῶν αἰσθήσεων ξυνορίς καὶ τὸ τῆς ψυχῆς ὄχημα, ἄμοιρος γένηται τοῦ θείου βαπτίσματος, ὑποκοιλαινόντες τὴν χεῖρα καὶ ταύτην ἐκ τοῦ ἁγίου ὕδατος ἐμπλήσαντες ἐπιχώμεν ἐπάνω αὐτῆς, τὸ θεῖον ἐκφωνοῦντες ὄνομα καὶ ἐκάστης ὑποστά-*

Что касается увѣренія дониконовскихъ Русскихъ, повторяемаго старообрядцами, будто вѣру у Грековъ повредили Турки, то оно просто нелѣпо. Если бы Турки были христіанами другаго исповѣданія, они могли бы повредить вѣру у Грековъ, навязавъ имъ свои ереси и погрѣшенія. Но Турки—совсѣмъ другой вѣры, не христіане, а магометане. Могли они принуждать Грековъ къ перемѣнѣ вѣры, къ принятію ихъ магометанства вмѣсто христіанства, но этого они вовсе

σως ἰδίωμα, т. е. И мы (Греки) не погружаемъ младенцевъ со всею головою, потому что не можемъ приказать имъ беречь вдыханіе и выдыханіе носа, чтобы при сохраненіи сего предотвращенъ былъ входъ священной воды и чрезъ уши, а также не можемъ запереть и уста младенца; но погружаемъ ихъ (младенцевъ) въ купель, что есть дѣло совершенно необходимое и преданное, такъ какъ купель изображаетъ матернія ложесна и чрезъ сіе означаетъ возрожденіе; а дабы и голова, гдѣ кони чувствъ и колесница души, не была безпричастна святому крещенію, сдѣлавъ горсть изъ руки и наполнивъ ее святой водой, льемъ поверхъ ея (головы), возглаголюя божественное имя и собство каждой ипостаси,— въ Патрол. *Миня*, т. 160, col. 137. Въ греческомъ подлинникѣ номоканона, печатаемаго при большомъ требникѣ, предписаніе священнику относительно совершенія крещенія читается: Καὶ βαπτίζεις τὸ παιδίον εἰς τρεῖς καταδύσεις, ἡγουμένης τρία καταβάσματα ἐν τῇ ὕδατι, λέγων οὕτως: βαπτίζεται ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρὸς, ἀμήν, καὶ καταβάσεις αὐτὸ εἰς τὴν κολυμβήθραν, ὅπου ἔχει τὸ ἁγίασμα, καὶ βρέχεις τὸ ἔλον καθ' ἓν. Καὶ πάλιν ἴστασαι ὀρθῶς, ἀνάγων τὸ παιδίον, καὶ καταβάσεις αὐτὸ δευτέραν φοράν εἰς τὸ ὕδωρ καὶ βρέχεις αὐτὸ, ὁμοίως λέγων καὶ τοῦ Υἱοῦ, ἀμήν. Καὶ πάλιν ἴστασαι ὀρθῶς καὶ καταβάσεις τὸ πάλιν τὸ τρίτον, ὁμοίως λέγων καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος, ἀμήν, καὶ τότε βρέχεις τὸ τέλειον, εἶτα τὸ ἐπαίρνεις ἀπὸ τῆν κολυμβήθραν καὶ τὸ δίδεις τῇ ἀναδόχῳ.—И крещаетъ дитя въ три погруженія, то есть (именно) въ три низводенія въ водѣ, говоря такъ: крещается рабъ Божій во имя Отца, аминь, и низводишь его въ купели, въ которой находится освященная вода, и поливаешь всего его одинъ разъ, и опять немного выпрямляешься, возводя дитя, и низводишь его во второй разъ въ воду и поливаешь его равнымъ образомъ говоря: и Сына, аминь, и опять становишься прямо и низводишь его опять въ третій разъ, равнымъ образомъ говоря: и Святаго Духа, аминь, и тогда поливаешь его окончательно; потомъ вынимаетъ его изъ купели и даетъ его восприемнику, см. ученое изданіе *А. С. Павлова*: Номоканонъ при большомъ требникѣ, Одесса, 1872, стр. 170, пр. 200. Въ преніяхъ съ Арсеніемъ Сухановымъ Греки говорили послѣдному о своемъ крещеніи: „Мы въ крещеніи обливаемся, а не погружаемся въ купели, тако мы изначала пріяли и держимъ, а у насъ то именуется и погруженіе, что трижды на крещаемаго святитель руку возводитъ и низводитъ, егда воду льетъ на него“ (а указаніе на существующія злоупотребленія см. въ Пидалионѣ, въ примѣч. къ 50-му апост. правилу, За-

не дѣлали: а какая бы была цѣль для нихъ принуждать Грековъ къ принятію кой-чего изъ ихъ вѣры и какой бы былъ смыслъ въ этомъ? Турки внѣшнимъ образомъ весьма унизили греческую церковь, отнявъ

кинеск. 1864 г. изд. стр. 65, col. 1 fin.). И у насъ въ Россіи это крещеніе дѣтей чрезъ неполное погруженіе было болѣе или менѣе распространено съ древняго до позднѣйшаго времени. О древнемъ времени см. Вопросаніе Кирика Новгородскаго въ Памятникахъ словесности XII вѣка *Калайдовича*, стр. 198, п. 16, и въ Памятникахъ каноническаго права *Павлова* col. 55, п. 16. Относительно позднѣйшаго времени см. многіе рукописные служебники и требники XV—XVI вѣка, указанные въ Опытѣ сличенія церковныхъ чинопослѣдованій, по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ Московской печати, изданныхъ первыми пятью Россійскими патріархами, *иеромон. Филарета*, втор. изд. стр. 38—39, и печатные, имъ же указываемые, служебники Іовлевскій и междупатріаршій и требникъ Болобановскій. Рукописные служебники и требники и Болобановскій печатный требникъ говорятъ: „Аще младенецъ есть убо крещаемый, и посаждаетъ его долѣ въ крестилници водѣ сущи, и по шію куплетъ, придерживая лѣвою рукою, десною рукою пріимъ теплую воду возливаетъ на главу его, занеже, младенцу слабу сущу, блюстися залитіа“ (текстъ синодальн. служебника XVI в., по Опис. *Горск. и Невостр.* № 358, л. 179 об.), а печатные служебники Іовлевскій и междупатріаршій, ограничивая нашъ способъ крещенія чрезъ неполное погруженіе случаями болѣзни крещаемыхъ младенцевъ, говорятъ: „Аще ли боленъ (младенецъ крещаемый), то подобно быти въ купели водѣ теплой, и погрузить его въ водѣ по выю, и возливаетъ ему на главу воду отъ купели десною рукою трижды, глаголя... и пр. (Филаретовскій требникъ, устраняя существовавшій у насъ дотолаѣ обычай неполнаго погруженія младенцевъ, предписываетъ: „и аще убо младенецъ крещаемый, и погружаетъ его іерей въ купели, поддерживая уста ему рукою искуснѣ отъ залитія воды, занеже младенцу слабу сущу“).—Выше мы сказали съ ограниченіемъ, что Греки большею частію крестили и крестятъ младенцевъ чрезъ погруженіе неполное, имѣя въ виду свидѣтельство Христофора Ангела въ его *Ἐγχειρίδιον* περὶ τῆς καταστάσεως τῶν σήμερον ἐδρισκομένων Ἑλλήνων, который въ первый разъ напечатанъ былъ въ Кембриджѣ въ 1619-мъ году. Христофоръ Ангель, разумѣя, вѣроятно, тѣ или нныя мѣстности Пелопоннеса, изъ котораго онъ былъ родомъ, говоритъ, что Греки крестятъ младенцевъ чрезъ погруженіе ихъ въ воду и съ головою: λαμβάνει ὁ ἱερεὺς τὸ νήπιον ταῖς χερσὶν αὐτοῦ καὶ κρατεῖ ταῖς δυοῖν χερσὶν ἐκ τῶν ὤμων καὶ εἰσβάλλει ἔσω τοῦ ὕδατος ἔλον νήπιον σὺν κεφαλῇ, λέγων βαπτίζεται ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ ὁ δεῖνα, εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρὸς, καὶ ἀνέλκει νήπιον, ἔπειτα πάλιν, и пр., т. е. беретъ священникъ младенца въ свои руки и держитъ его обѣими руками за плечи и погружаетъ въ воду всего младенца съ головою, говоря: крещается рабъ Божій такой-то во имя Отца, и воззываетъ (возводитъ) младенца, потомъ опять...,— гл. 24.

у Грековъ и обративъ въ мечети ихъ великолѣнные храмы, а вмѣсто отнятыхъ дозволивъ имъ строить храмы жалкіе по виду и не имѣющіе на себѣ крестовъ, запретивъ имъ внѣхрамовыя торжественныя церемоніи, каковы крестные ходы и пр.¹⁾: но они ни малѣйше не посягали на вѣру Грековъ. А въ концѣ концовъ и здѣсь тотъ же вопросъ, что выше: если бы Турки повредили вѣру у Грековъ, то поврежденія эти были бы извѣстны, какія же это поврежденія? (О нелѣпости мнѣнія, будто Турки повредили вѣру у Грековъ писалъ еще митр. Филаретъ въ Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу, — бесѣда 1, изд. 6, которое имѣемъ подъ руками, стр. 19 fin.²⁾).

II.

Изъ всего сказаннаго нами съ несомнѣнностію слѣдуетъ, что у позднѣйшихъ Грековъ никто не повреждалъ чистоты православія, что ни отъ кого не заимствовали они еретическихъ и погрѣшительныхъ новшествъ и что они постоянно содержали, какъ и до сихъ поръ содержатъ, православіе древнихъ Грековъ во всей его неповрежденной цѣлости. Если же это такъ, то откуда же взялась и какъ произошла нѣкоторая рознь ихъ съ нами въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ? Съ точки зрѣнія людей, которые приравниваютъ обряды и обычаи церковные къ догматамъ вѣры, каковы были дониконовскіе Русскіе и каковы суть старообрядцы, это есть дѣло необъяснимое безъ предположенія, что которою либо стороною допущены новшества. Если обряды и обычаи церковные суть тоже, что догматы вѣры или имѣютъ одно съ ними значеніе: то всегда и неизмѣнно должны су-

¹⁾ Арсеній Сухановъ въ преніяхъ съ Греками говоритъ объ этомъ: „Не могутъ патріархи ваши по граду съ кресты ходити и на главѣ крестъ носити и на церкви крестъ имѣти и надъ мертвымъ у церкви отпѣвать (?) и по граду нести или въ колокола звонити и на ослати ѣздить (разумѣется: въ вербное воскресенье)“.

²⁾ Въ повѣсти о взятіи Константинополя Турками, помѣщенной въ Никоновской лѣтописи, читается легенда, что султанъ Магометъ „списалъ книги христіанскія погурски слово въ слово, да помыслилъ съ своими сеиты (магометанскими высшими духовными) и съ моллами (т. е. муллами)... со всею своею вѣрною думою и хотѣлъ греческихъ книгъ Настасію патріарху не отдати и христіанскую вѣру, греческій законъ, подернути до тла во Іерусалимъ и во Царградъ“, но что по молитвѣ патріарха Господь Богъ напустилъ на султана великій страхъ и онъ возвратилъ патріарху книги, — т. V, стр. 261—262. Раскольники передѣляли эту легенду такъ, что Турки испортили греческія книги.

ществовать въ одной и той же формѣ, какъ всякій догматъ всегда и неизмѣнно есть одинъ и тотъ же. А если такъ, то и существованіе обряда или обычая въ нѣсколькихъ формахъ не можетъ означать ничего иного, какъ допущеніе къмъ либо новшества. На самомъ дѣлѣ обряды и обычаи церковные могли существовать и дѣйствительно существовали въ нѣсколькихъ, одинаково правильныхъ и православныхъ, формахъ и наше нѣкоторое разрозненіе съ Греками въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ произошло такъ, что у насъ вошли въ общее употребленіе однѣ формы нѣкоторыхъ обрядовъ и обычаевъ, а у Грековъ другія. Слѣдовательно, въ полемикѣ съ старообрядцами необходимо показать, что приравниваніе обрядовъ и обычаевъ церковныхъ къ догматамъ вѣры совершенно несправедливо и неосновательно, что они могли существовать и дѣйствительно существовали въ нѣсколькихъ формахъ и что отдѣленіе отъ церкви изъ-за той или иной формы ихъ совершенно неблагословно и неизвинительно.

Сдѣлаемъ мы это такимъ образомъ, что приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ извѣстные намъ примѣры существованія въ церкви разныхъ обычаевъ, а равно извѣстныя намъ свидѣтельства отцовъ и писателей о томъ, что обряды и обычаи имѣютъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ догматы вѣры, и что ихъ разнообразіе нисколько не нарушаетъ единства церкви.

Въ продолженіе первыхъ трехъ съ четвертью вѣковъ, до Никейскаго вселенскаго собора, церкви Малоазійскія (а въ продолженіе меньшаго перваго времени и многія другія церкви восточныя) праздновали Пасху несогласно съ церковію Римскою и другими западными церквами, именно—тогда какъ Римская церковь праздновала Пасху въ тотъ день, въ какой празднуемъ ее теперь мы, т. е. въ первое воскресенье послѣ полнолунія, бывающаго въ весеннее равноденствіе,—церкви Малоазійскія (съ другими восточными) праздновали ее въ одинъ день съ Іудеями, т. е. 14-го числа Еврейскаго мѣсяца Нисана, на какой бы день недѣли оно ни пало¹⁾. Въ концѣ втораго вѣка былъ поднятъ споръ объ этой разности и Римскій епископъ Викторъ (193—203) требовалъ было отъ епископовъ Малоазійскихъ принять западный обычай, а когда встрѣтилъ отъ нихъ (съ Поликратомъ, епископомъ Ефесскимъ во главѣ) рѣшительный отпоръ себѣ, то сво-

¹⁾ Объ этой разности въ празднованіи христіанами Пасхи до перваго вселенскаго собора говоритъ и преп. Іосифъ Волоколамскій въ статьѣ о вдовствующихъ попѣхъ, составляющей 79-ю главу Стоглавника.